

НИНА ИНЯКИНА

ЧТОБЫ ЗНАЛИ И ПОМНИЛИ...

Часть 3-я:

**СОБРАТЬЯ ПО ПЕРУ,
или
ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЁБА**

КЕМЕРОВО, 2006 – 2011

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

В третью часть книги я включила статью папы «Уроки А. Т. Твардовского», в которой он рассказывает о влиянии на своё творчество автора знаменитой «Книги про бойца» – Александра Трифоновича Твардовского. Здесь же, в этой части книги, я сочла уместным поместить и папины воспоминания о его друге – поэте Евгении Сергеевиче Буравлёве, с которым его связывала долголетняя дружба и который так же, как и папа, отметил бы в 2011 году свой 90-летний юбилей. Оба – бывшие фронтовики, оба стояли у истоков кузбасской писательской организации, оба помогали друг другу как в жизни, так и в творчестве.

Конечно, это – лишь верхушка айсберга под названием «Литературный труд», но и эти несколько страничек дадут чёткое представление о том, насколько многообразна жизнь творческой личности, как много в ней (в этой жизни) радости и огорчений, трудностей и побед, как важно человеку вовремя услышать правильные, мудрые слова, добрые советы, как необходимо иметь собрата-единомышленника, с которым можешь поделиться своими находками, сомнениями, новыми идеями, который будет рядом и в радостный час, и в трудную минуту...

Михаил Небогатов

УРОКИ А. Т. ТВАРДОВСКОГО (ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЁБА)

ПРЕДИСЛОВИЕ*:

В своём творчестве кузбасский поэт Михаил Александрович Небогатов «держал равнение» на поэта Александра Трифоновича Твардовского, считал его своим учителем. Долгие годы состоял в переписке с автором «Василия Тёркина». Своими впечатлениями от этой переписки поэт поделился в статье «Уроки А. Т.

Твардовского» в журнале «Огни Кузбасса», 1976, № 4, в рубрике «Литературная учёба».

Думаю, что эта статья и сегодня актуальна. Если вчитаться внимательно, то многое в творчестве поэта, в его требовательном отношении к самому себе и своему творчеству станет понятно.

Предлагаю перепечатку из журнала. Пусть поэт сам расскажет, какие уроки он извлёк из переписки с классиком советской литературы, чему научился у него.

А в качестве эпиграфа хочу привести здесь очень характерное стихотворение А. Твардовского, которое многое объясняет:

К обидам горьким собственной персоны
 Не призывать участие добрых душ.
 Жить, как живёшь, своей страдой
 Бессонной, –
 Взятся за гуж – не говори: не дуж.
 С тропы своей ни в чём не сосупая,
 Не отступая – быть самим собой.
 Так со своей управиться судьбой,
 Чтоб в ней себя нашла судьба любая
 И чью-то душу отпустила боль.
 1967-1968

Вот эта статья:

Трудно вспомнить случай, когда бы чей-то путь в литературу был с самого начала, с первых шагов, что называется, услан розами. Такой путь может грезиться только в мечтах, а на практике совсем другое: прежде чем добиться успеха на литературном поприще, сколько же надо преодолеть препятствий, сколько провести бессонных, тревожных ночей в обессиливающих душу сомнениях, разочарованиях... И как важно в подобные дни, недели, месяцы, а то и годы общение с человеком, которого ты ценишь, любишь как большого художника слова и чьё мнение тебе дороже всего.

* Предисловие и послесловие – автора-составителя.

Любовь к поэзии Твардовского родилась во мне ещё в довоенное время, когда я был школьником – задолго до появления на свет «Василия Тёркина», произведения, которое сегодня мы с полным основанием можем назвать бессмертным. Помню, с каким наслаждением упивался я неповторимым ароматом сельской лирики ещё молодого тогда смоленского поэта, который сразу и на всю жизнь вошёл в мою душу, сроднился с нею так, как будто всё, что было в его стихах, пережил и почувствовал я сам.

В связи с этим вспоминается такой, можно сказать, казусный случай. Где-то в середине сороковых годов послал я Александру Трифоновичу стихотворение, о котором мой кумир отозвался примерно так (первое это письмо ко мне, к великому сожалению, не сохранилось): *стихотворение – незаурядное, но уж слишком напоминает «Поездку в Загорье» известного вам автора...* Этот ответ вызвал у меня недоумение: какого известного мне автора, чья это «Поездка в Загорье»? Обратился к одному из старших товарищей по «литсреде», которые проводились тогда в редакции газеты «Кузбасс», и этот, очень начитанный и знающий, товарищ объяснил мне: *«Поездка в Загорье» – известное стихотворение Твардовского.* Я же, к стыду своему, до той поры в глаза не видел этой вещи... Поистине, неисповедимы пути господни – не зная оригинала, написать как бы копию его.

С полной откровенностью признаюсь: когда начал я писать стихи (это было уже после войны), то даже и не подозревал, что многое в них звучит «под Твардовского». Об этом сказали мне читатели, рецензенты, а позднее – и сам Александр Трифонович. У меня хранится несколько писем от него и, может быть, читателям будет небезынтересно узнать, какие отзывы, замечания, советы содержатся в этих письмах. Многие в них, как мне кажется, будут поучительно для начинающих.

В 1955 году я, после долгих колебаний, решился отправить А. Твардовскому восторженный отклик на только что опубликованные его стихи, подкрепив свой душевный порыв собственным стихотворением, в котором были такие строчки:

Творцы картин, симфоний, книг ли –
 Все эти люди среди нас.
 И мы настолько к ним привыкли,
 Что мало ценим их подчас.
 Заслуги близких не в новинку,
 Теплей о предках говорим:
 Как счастлив был, кто видел Глинку,
 Встречался с Пушкиным, с Толстым!
 Вот так, грустя над «Тихим Доном»
 Иль шуткам Тёркина смеясь,
 Не раз со вздохом затаённым
 Потомок скажет и про нас:
 Мол, были некогда счастливцы,
 Кому был другом до конца
 И житель Вёшенской станицы,
 И автор «Книги про бойца»...

Я тоже мог посчитать себя счастливцем, получив вскоре ответ:

«М. 30.9.55 г.

Дорогой тов. Небогатов!

Спасибо за добрые и, не сомневаюсь, искренние слова вашего письма относительно стихов в «Огоньке». Приведённые в письме стихи недурны, но я не могу о них распространяться, поскольку там и моя личность произведена в ранг «великих», что, конечно, вы сделали по доброте, молодости и... сгоряча.

С вашими другими стихами готов ознакомиться, прошу прислать.

Ваш А. Твардовский».

Как показало время, не просто «по доброте, молодости и... сгоряча» ещё тогда, два добрых десятка лет назад, мой любимый поэт был «произведён» мною в ранг великих – таковым его и

называют сейчас, посмертно, уже без всяких кавычек. Да и при жизни Твардовского многие считали его классиком. У Константина Ваншенкина, например, есть стихотворение «В Красной Пахре» – о посещении им тяжело больного, уже умирающего поэта, – где прямо сказано:

Какой тяжёлый год,
Безжалостное лето,
Коль близится уход
Великого поэта...

В работе литератора всё очень сложно, вплоть до самых, казалось бы, незначительных мелочей. Чего, вроде бы, проще: отобрать из написанного тобою что-то, на твой взгляд, наиболее удачное и послать в редакцию или какому-нибудь конкретному лицу на отзыв. Однако и такой «пустяк» – не совсем простое дело: сплошь и рядом молодые литераторы допускают ошибки, отбирают совершенно не то, что следовало бы. Да только ли молодые! Бывает, что и опытный литератор – поэт ли, прозаик ли, – после выступления перед какой-то аудиторией, придя домой, досадует на себя: нет, не то прочитал, надо было что-нибудь другое, более подходящее...

Говорю это, имея в виду и собственные промахи. Посылая в следующий раз Твардовскому новые стихи, я при отборе их рассудил так: ему больше должны прийтись по душе те, в которых он почувствует что-то родственное со своей манерой и с манерой поэтического письма его земляка и старшего друга – Михаила Исаковского. Из полученного ответа нетрудно было сделать вывод: как бы ни любил какого-то большого поэта, а подражать ему не следует, ибо всякое подражание – это не что иное, как бег на месте. Ответ был кратким, но заставил призадуматься:

«3 мая 1960 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Все три стихотворения вполне, как говорится, профессиональные, их можно печатать, и то, что я

их не оставляю для «Нового мира», не должно вас смущать. Хотелось бы, чтобы слишком послушное следование известным образцам (М. Исаковский и др.), некоторая сдержанность, вернее робость, – покидали вас более заметно.

Смелее, смелее – к самому себе, к тому, чего до вас не было.

Желаю на этом пути успехов.

А. Твардовский».

Замечания и требования эти были абсолютно справедливыми. Начались новые поиски. Шли они главным образом в направлении содержания. Ясно было одно: надо сделать что-то такое, чего не было ни у кого другого даже в намёке, о чём ещё не писал ни один поэт. За что же взяться? Да, конечно же, за то, что пережито, перечувствовано. То есть, основой новых вещей должны стать самые твои сокровенные мысли и чувства... Одно время мне довелось работать в газете, в книжном издательстве, в радиокомитете. Было решено: напишу поэму о журналистах, никто о них как будто ещё не рассказывал – ни в стихах, ни в прозе, во всяком случае мне не встречалось. Сюжет поэмы был взят из жизни, не придуман, казалось, что всё будет в порядке. Работалось легко, с вдохновением, потому что тема была моей родной стихией. Но – увы: на этот раз подвела форма. А какова была эта форма, читатель поймёт по ответу Твардовского:

«19 августа 1960 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Использование такой исключительно индивидуальной, с исчерпывающей полнотой прозвучавшей в классическом произведении неповторимой формы, как онегинская строфа, – дело безнадежное. Это хорошо понимал уже М. Ю. Лермонтов, не случайно взявший в своё время эту строфу лишь для «Казначейши» – произведения особого ряда.

В дальнейшем все попытки использования этой формы «всерьёз», естественно, не имели успеха.

В наши дни эта форма своей обманчивой лёгкостью привлекает лишь наивных людей. Жаль, что и вы поддались этому соблазну. Как бы вы ни исхитрились, всё равно ваша поэма звучит пародийно, и тем самым «серьёзное» её содержание погашается.

Советую вам воздержаться от опубликования её в печати, даже если будет такая возможность.

Не огорчайтесь, бывает.

А. Твардовский».

Вот таким неожиданным образом может обернуться иной «эксперимент»! Кого-нибудь другого, менее требовательного и взыскательного, онегинская строфа могла и не смутить, а Твардовский – мастер высокого класса, тонкий ценитель поэтического искусства – не допускал ни малейшей снисходительности в таком святом для него деле, как художественная литература вообще и поэзия, в частности. Он весьма деликатно, но со всей присущей ему прямоотой высказал своё глубокое суждение, в подтексте которого можно уловить как бы напоминание: нельзя, мол, ни на минуту забывать, что, создавая что-либо, ты тем самым претендуешь на вход в тот священный храм, который гордо зовётся русской литературой, и этот храм воздвигнут не кем-нибудь, а самим Пушкиным.

«Советую вам...» Было бы непростительным легкомыслием, если бы автор поэмы, написанной онегинской неповторимой строфой, пренебрёг этим, в сущности, добрым советом. Само собой разумеется, что эта поэма была навсегда похоронена в личных архивах: слово Твардовского было для меня законом...

А теперь о самом ценном для меня письме Александра Трифоновича – отзыве на целую книжку «Моим землякам»:

«М. 28 июля 58 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Книжку вашу давно получил, но просмотреть всё не мог выбрать времени, – после назначения меня

главным редактором «Н. М.» (журнала «Новый мир») моя личная почта вообще весьма запущена, т.к. время уходит на неотложные дела, на чтение того, что идёт «в номер».

Книжка производит очень симпатичное впечатление, хотя много в ней лишнего, пустякового и малоинтересного – вроде ваших «пародий» или стихов, явно «ко дню». Возможно, что мы дадим в «Н.М.» рецензию на неё. Но писать мне самому не только некогда, но отчасти и неудобно: м.б., я ошибаюсь, но мне кажется, что следы усердного чтения Твардовского на ней (книжке) заметны. Присылайте, если есть что-нибудь новое для «Н. М.». Желаю всего доброго.

А. Твардовский».

Все, кто хорошо знаком с творчеством Твардовского, с воспоминаниями о нём, знают, как скуп он был на похвалы. И его откровенные, тёплые слова «...очень симпатичное впечатление» до сих пор согревают сердце, вдохновляют на новые творческие поиски. Что касается «лишнего, пустякового и малоинтересного», то это замечание первоклассного мастера я запомнил на всю жизнь – впредь наука.

Некоторые из писем к вашему земляку опубликованы в книге «А. Твардовский. О литературе», вышедшей в свет в 1973 году в Москве (Библиотека «О времени и о себе»). Впервые в разделе «За редакторским столом» публикуется значительная часть эпистолярного наследия А. Т. Твардовского. Все материалы книги знакомят читателей с раздумьями Твардовского о традициях в творческом опыте советской литературы. И тот факт, что в эту книгу (в числе других) включены письма к автору этой статьи, наглядно подтверждает сказанное вначале: даже самые краткие замечания о тех или иных стихах, принадлежащие великому поэту, представляют определённый общественный интерес, имеют неоспоримую ценность для всех, кто любит литературу и кто сам работает в ней.

Кстати говоря, лишь теперь, после обнародования рубрики «За редакторским столом», по прошествии многих лет я узнал об одной характерной детали: о наивной и – увы – напрасной надежде напечататься в «Новом мире» тех авторов, которые ещё при жизни Твардовского считали себя его учениками. Вот выдержка из его письма к «М. П. К-ну»: «...в «Новом мире» весьма трудно появиться тому, что бывает отмечено признаком «под Твардовского»... Но как бы там ни было, уверен, что для многих авторов, которым пришлось общаться с Александром Трифоновичем хотя бы посредством переписки, его уроки не прошли даром.

// «Огни Кузбасса» – 1976
– № 4 – с. 90 – 93.

ПОСЛЕСЛОВИЕ:

До начала продолжавшейся несколько лет переписки с Твардовским у Михаила Александровича была возможность увидеться с поэтом в один из приездов в Москву в конце апреля 1950 года на совещание по рекомендации известного русского поэта Петра Ивановича Замойского. Этот эпизод описан в стихотворении памяти А. Т. Твардовского:

*Как-то раз, простой и свойский,
Добрый, видно по всему,
Пётр Иванович Замойский
Дал записку нам к нему.
Помню радость, счастье наше,
Той записки лад и склад:
«Дорогой, – в ней было, – Саша!
Посмотри стихи ребят.
Оба парня – из Сибири.
Мне понравились они...
Может, что-то в «Новом мире»
Напечатаешь? Взгляни».
...Голова ходила кругом.
Но недолог юный пыл –
Для кого-то он был другом,
А для нас великим был.
Серебрились солнца блики...
Мы раздумались в пути –*

*И к тому, кто был великим,
Не осмелились пойти...*

Вторым «парнем» был Алексей Косарь, поэт и журналист газеты «Кузбасс», с чьей лёгкой руки Михаил Небогатов стал литературным сотрудником областной газеты...

*На снимке (слева направо): Александр Волошин,
Михаил Небогатов, Алексей Косарь на совещании
молодых литераторов в Москве,
апрель 1950 г.*

Михаил Небогатов

МОЙ ДРУГ, СОБРАТ, РОВЕСНИК

Воспоминания о поэте Евгении Буравлёве

Это было осенью 1955 года, когда я работал в Кемеровском книжном издательстве редактором отдела художественной литературы.

Как-то утром, едва я засел за чтение рукописи толстого романа под названием «Шкуркин» (фамилии автора не помню), дверь кабинета приоткрылась, и в неё заглянул главный редактор издательства П. П. Ивкин:

– Миша, зайди ко мне.

Я рад был оторваться от скучнейшего, многословного романа, и тотчас же отправился вслед за Ивкиным.

Перед столом главного редактора я увидел человека примерно моих лет. С первого взгляда бросилось в глаза его крупное, загорелое и обветренное, строгой скульптурной лепки лицо, какие рисуют на плакатах, когда хотят изобразить волевого, мужественного солдата или рабочего. Черты лица были резки, даже суровы, и как-то не вязались с большими карими глазами, смотревшими мягко и доброжелательно. Запомнилась поза незнакомца: он сидел чуть сгорбясь, зажав сложенные ладонями руки между колен.

Пётр Павлович представил нас друг другу.

– Вот новый наш автор, Евгений Буравлёв. Приехал из Междуреченска. Привёз первый сборник. Я посмотрел несколько страниц, стихи, по-моему, хорошие. Но это больше по твоей части. Почитаешь, выскажешь своё мнение, и тогда вместе всё решим.

Он протянул мне рукопись, у которой было уже и название: «Кладоискатели».

Так я впервые познакомился с Евгением Сергеевичем Буравлёвым. Это я сейчас говорю: Евгений Сергеевич, а тогда, сразу же, мы, не

сговариваясь, стали обращаться друг к другу на «ты», попросту.

Мне, как и главному редактору, достаточно было полистать рукопись минут пятнадцать, чтобы сделать вывод: стихи наш новый автор привёз настоящие, зрелые, видно было, что человек пишет всерьёз, со знанием всех «секретов» поэзии. Я об этом прямо сказал ему, на что он скромно ответил: – Не всё тут уж так хорошо, есть кое-что, в чём я сомневаюсь. Надо бы посидеть нам с тобой вдвоём, посмотреть ещё раз внимательно.

Мимоходом замечу, что к тому времени у меня было уже две изданных книжки: «Солнечные дни» (1952 г.) и «На берегах Томи» (1953 г.). То обстоятельство, что редактор, как говорил Маяковский, «рифмы строгал», и вызвало, видимо, доверительное желание Буравлёва сообща поработать ещё над рукописью. Я, конечно, охотно согласился.

Автор романа «Шкуркин» торопил с ответом, надо было скорее дочитывать этот «кирпич», чтобы написать обстоятельную рецензию, поэтому я предложил Жене:

– Если не возражаешь, давай будем работать над твоим сборником вечерами у меня дома, а?

– Какое может быть возражение. Давай.

Так и сделали. После работы, захватив с собой папку с «Кладоискателями», отправились ко мне домой. Вечером, когда жена и дети улеглись спать, мы с Женей, чтобы не мешать им, устроились на кухне и приступили к работе. Кто любит литературу, в частности, поэзию, тот поймёт, с каким увлечением и придирчивостью прочитывали мы вслух стихотворение за стихотворением, проверяя, как говорится, на слух, вкус и цвет каждую строчку, каждое слово. Если что-то в рукописи не очень нравилось мне, осторожно, не ущемляя самолюбия автора, я говорил ему об этом. Он задумывался, сосредоточенно хмурился. Часто соглашался.

– Да, пожалуй, ты прав. Надо это переделать.

И мы вместе искали новый, улучшенный вариант того или иного четверостишия, той или иной строчки. А иногда он не соглашался:

– Нет, Миша, ты не понял, что я хотел сказать. Давай оставим как есть.

– Смотри. Я не настаиваю.

Было и по-другому: мне стихотворение казалось вполне приличным, а Женя забраковывал его:

– Это надо отложить в сторону. Не удалось. Совсем не то получилось, как замышлял. Ещё покорплю над ним или вообще выброшу.

Три ночи хватило нам, чтобы привести сборник, как сказал потом Женя, в божеский вид.

Пётр Павлович Ивкин с полным доверием отнёсся к нашей совместной работе над «Кладоискателями», и с автором был заключён договор. Женя уехал в свой Междуреченск не только с договором, но и с авансом, что для поэта, живущего литературным трудом, тоже немаловажно...

Авторский актив у издательства в то время был небольшой, издавать по существу было некого, так что «Кладоискатели» для нас были поистине кладом, и вышли они в свет в рекордно короткий срок – уже в 1956 году. Критика отнеслась к первой книжке Евгения Буравлёва очень положительно, он сразу же прочно вошёл в литературу Кузбасса.

За всю жизнь Буравлёв издал более десятка книг стихов и прозы. Вершиной его творчества я считаю (да и сам он был такого же мнения) поэму «Красная горка». У меня сохранились его письма периода его работы над этой поэмой. Они, эти письма, всего полнее раскрывают нам Евгения Буравлёва и как поэта, и как человека.

«27 октября 1958 г.

...Два слова о житье-бытье: третью главу «Красной горки» никак не могу нащупать, в этом деле у меня пока закавыка. А за другое не могу браться – уж больно хочется добить поэму.

Когда был у вас, отдал I главу на радио и в «Кузбасс». Радисты прислали за 320 строк 680

рублей (старыми деньгами. – М.Н.), а «Кузбасс» хоть и горячо обещал, но, по всей вероятности, затёр меня. Вот видишь, как нашему брату трудно раздобыть кусок хлеба. Хорошо, что ещё «Молодая гвардия» в сентябре тиснула два стишка, а то бы совсем плохи дела...»

Хочется сделать здесь пояснение насчёт «куска хлеба». Слова Маяковского: «Поэзия – баба капризная» – не пустой звук. Она не терпит непостоянства, требует, чтобы пишущий отдавал ей всего себя. Именно так – изо дня в день – и работал Женя над поэмой. Он считал, что только постоянный, систематический труд может принести успех. И очень, очень материально нуждался. Но идти каким-то иным путём, писать так, между делом, – значит, ничего путного не добиться...

«11 ноября 1958 г.

...Помнишь, я тебе читал вторую главу? Вот сейчас я её закончил и концовку хочу послать тебе. Что-то мне кажется недоделанным в портрете Лапина. Может быть, ты на свежую голову подскажешь мне. Правда, я думаю, что он ещё раскроется у меня в действии в 3, 4, 5-й главах, но всё-таки твой мнение для меня будет дорого. Ну и по мелочам посмотри тоже, если будет охота...

«Кузбасс» мне рукопись первой главы вернул с заключением Дёмина: «Или будем печатать всю поэму или давайте главу так, чтобы нам не быть в долгу перед читателем». Сокращать и переделывать то, что ещё не закончено, согласись, я не могу. Поэтому сделка у нас пока что не состоялась. Буду держаться до последнего сухаря...»

Забегая вперёд, скажу, что слово своё тогдашний редактор газеты «Кузбасс» Ф.Е. Дёмин* сдержал – когда поэма была закончена, она целиком была напечатана на страницах газеты.

* – Фёдор Ефимович Дёмин – редактор газеты «Кузбасс» с мая 1951 по октябрь 1959 года (Примечание автора-составителя)

«20 декабря 1958 г.

...С твоими замечаниями по кусочку о Лапшине я согласен полностью, не принимаю только столь высоких похвал.

...Это очень мучительный процесс – переделывать, – но, как я убедился, эпическую вещь никогда не сделаешь добротной, не переделав её несколько раз. Думаешь об одном, а в ходе работы вторгается совсем другое, уводит иногда в сторону, иногда принимает совсем неожиданный поворот, и тогда многое из написанного прежде или не имеет никакой цены, или не является органическим составным последующего. Надо иметь железный характер, чтобы вести повествование в предначертанном мысленно русле. И огромное мастерство. А этого у нас, к сожалению, не густо.

И вообще, чем дальше к концу, тем труднее движется моя «Красная горка». Ужасное многословье, десятки второстепенных деталей, отступлений. Всё это уводит в сторону, и нет никакой силы остановить эту стихию. Кажется, ты безнадежно бьёшься со стоголовой гидрой, которая всё-таки тебя проглотит. Нервничаешь, злишься, всё это ужасно мешает, но ничего с собой не можешь поделать. А самого главного, ради чего затеяна поэма, ещё не сказал! И это тогда, когда, замышляя поэму не больше как строк в 800 – 1000, написал уже больше тысячи. Ужас какой-то. Чувствую, что хлебну я с ней горя. Оставить её всеобъемлющей в две тысячи строк – не возьмёт ни один журнал, ни одна редакция. Резать – ты сам знаешь, как это мучительно. Вот, раздираемый такими мрачными противоречиями, и продолжаю в поте лица работать. Так что можешь представить себе и моё настроение, и моё состояние. Но как бы то ни было, а взялся за гуж – не говори, что не дюж. Буду писать, как ложится, от души, а потом уж, после публичного суда, думать, что с ней делать.

Впрочем, ты ведь всё это прекрасно знаешь и без моих откровений. И что за титанический труд –

наша работа, и каких порою усилий над собою она стоит. Хорошо кто-то сказал недавно в «Литературке»: талант рождает писателя, но книгу делает его труд. И дёрнул меня чёрт взяться за эту поэмищу, когда мне, смертному, вот как нужна сейчас книжка. Ведь засядь я за стихи, приведи в порядок все заготовки в Южсибе – она давно бы уж была у Кыкова (в издательстве – М.Н.). А сейчас проходят все сроки, ресурсы, а конца ещё не вижу...»

Я не случайно процитировал такой большой отрывок из письма, в нём – и творческая лаборатория поэта, и своего рода пособие для нынешних молодых стихотворцев, которые занимаются литературной учёбой. И ещё одно интересное размышление из этого же письма:

«...Мне кажется, что за одну-две посредственных книги, появившихся у пишущего после той, хорошей, ради которой он был принят в Союз, надо этого человека развенчивать и исключать из Союза, запретив ему печататься до тех пор, пока он не создаст книги, по мастерству и мысли не уступающей лучшим произведениям, а то и превышающей их. Вот тогда бы не было обидно случайных имён, не было бы того болезненного ажиотажа вокруг редакций журналов и издательств...»

На первый взгляд, жёсткие, даже жестокие меры! А в принципе очень справедливые. Справедливые для любого настоящего служителя искусства, а не для тех, кто, как любил выражаться Буравлёв, ошивается около литературы...

Большой неожиданностью было для всех нас, знавших Буравлёва как человека, казалось бы, несокрушимого здоровья, то, что он как-то сразу, вдруг, тяжело заболел. Ему сделали сложную операцию, но через год снова положили в больницу.

Однажды мне позвонил Виктор Баянов:

– Съездим, навестим Женю?! Говорят, он совсем плох...

Мы вошли в больничную палату. Женя был в глубоком забытии. Дышал тяжело, в груди громко хрипело. Будить его не решались, молча стояли у койки, ждали – может, сам откроет глаза. И вот он поднял тяжёлые веки, слабо улыбнулся:

– А-а, ребята пришли...

И снова как бы задремал. Мы не знали, что сказать – все слова казались ненужными. Понимал ли он сам, Женя, что умирает – неизвестно. А со стороны видно было: «И колебалась, трепетала жизнь на отметке нулевой...»

Мы ещё минут пятнадцать постояли около. Сказать на прощанье что-то всё же надо было.

– Крепись, Женя, поправляйся...

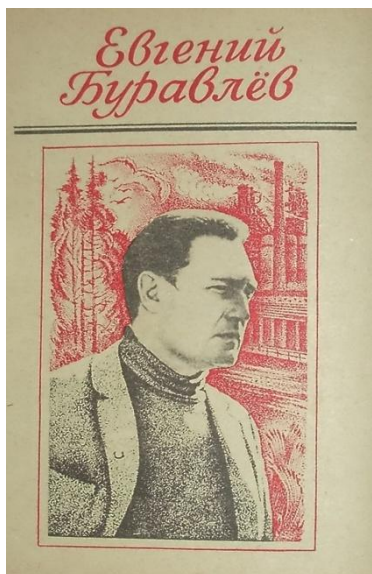
Он через силу, тусклым голосом отозвался:

– Будем стараться...

Эти последние его слова на всю жизнь запомнились мне. Через три дня моего друга, собрата, ровесника не стало...

// Из книги: **Буравлёв Е. С. Биография начиналась так... Стихи. Поэмы. Воспоминания о поэте.** – Кемеровское книжное издательство, 1985. – 272 с., ил.

Воспоминания М. Небогатова – с. 236 – 240.

*Та самая
книга из моей
домашней
библиотеки*

СОДЕРЖАНИЕ

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ. Уроки А.Т. Твардовского (Литературная учёба)	3
МИХАИЛ НЕБОГАТОВ. Мой друг, собрат, ровесник (Воспоминания о поэте Евгении Буравлёве)	13

*Литературно-художественное
издание*

НИНА МИХАЙЛОВНА ИНЯКИНА

ЧТОБЫ ЗНАЛИ И ПОМНИЛИ...

Часть 3-я:

**СОБРАТЬЯ ПО ПЕРУ,
или
ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЁБА**

Нина Инякина. ЧТОБЫ ЗНАЛИ И ПОМНИЛИ...
Часть 3-я: **СОБРАТЬЯ ПО ПЕРУ, или**
ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЁБА. – Кемерово, 2006 – 2011,
с. 22: ил.

Компьютерный набор, художественное
оформление, литературная редакция и корректура –
авторские.

